

— В будущем я, возможно, не смогу остаться в столице. Если я уеду в другое место, ты поедешь со мной? Даже если я останусь в столице, я, конечно, не буду жить здесь. Куда мне идти? В нашем нынешнем положении, как долго это может продолжаться?

Лян Хуань не совсем понимал, в чём суть его вопроса, и не знал, как это объяснить, поэтому он ответил с напускной лёгкостью:

— Зачем думать о таких далёких вещах? Когда доедем до горы, там будет дорога. Если всё время беспокоиться о будущем, как жить настоящим?

С каждым новым вопросом Чэнь Шучжи чувствовал, что его охватывает всё большее отчаяние, но он всё ещё не сдавался и продолжал спрашивать:

— Ты скрываешь от меня многое, не так ли?

— Я же сказал, что расскажу тебе всё в течение месяца. — В его голосе звучала доля недовольства. Лян Хуань не понимал, почему он снова поднимает эту тему.

— Я не о происхождении и статусе. Линь Чэнпин, я спрашиваю тебя снова: почему ты всё это время оставался здесь?

Чэнь Шучжи чувствовал, что никогда не говорил с ним так серьёзно.

Услышав этот вопрос, Лян Хуань почувствовал головную боль. Что на этот раз выдало его? Нет же, он старательно притворялся, что интересуется им. Почему он снова сомневается?

Он не хотел отвечать на этот вопрос напрямую. Ложь, сказанная слишком часто, вызывала чувство вины, поэтому он уклончиво ответил:

— Я же уже всё говорил. Зачем снова спрашивать...

Внезапно порыв холодного ветра ворвался в комнату, принеся с собой несколько снежинок, которые сразу же растаяли от тепла.

В эту ночь человек в соседней комнате прошёл через все этапы плана, соединив все услышанные ранее намёки с результатами расследования Лу Иня в Юнчжоу. Лян Хуань почувствовал, что всё готово. План противника стал ясен, и теперь оставалось только вернуться и принять меры.

Отойдя от стены, он решил сначала поспать, а завтра разобраться. Но только он лёг, как увидел, что Чэнь Шучжи смотрит на него широко открытыми глазами.

Чэнь Шучжи, увидев, что он закончил слушать, осторожно приблизился к нему, подошёл очень близко, и его рука скользнула с плеча на спину, нежно поглаживая.

Лян Хуань почувствовал себя неловко и слегка отстранился. Он только собирался что-то сказать, как почувствовал, как губы Чэнь Шучжи коснулись его, и их поцелуй стал более страстным.

На этот раз Чэнь Шучжи не был таким сдержанным, как в прошлый раз. Лёгкое прикосновение губ было нежным, а их взаимное движение — проявлением желания. Он пытался возбудить его интерес, одновременно прижимаясь всем телом к нему.

Мягкая кожа касалась его, и сильные импульсы один за другим ударяли в голову. Лян Хуань

чувствовал, что сходит с ума. Хотя всё это было частью игры, он никогда в жизни не испытывал такого возбуждения.

Перед ним был не только красивый человек, но и талантливый, с мягким сердцем. Лежать рядом с таким человеком и не иметь никаких мыслей было невозможно.

Но Лян Хуань сохранял рассудок и постоянно напоминал себе, что этого нельзя делать. Он не мог понять, почему Чэнь Шучжи поступает так, но знал, что он пользуется его доверием и обманывает его. Он был так добр к нему, и он не мог так ему отплачивать.

Он оставался неподвижным, позволяя ему постепенно зажигать себя, и, наконец, когда он едва сдерживался, Лян Хуань резко повернулся, встал и сошёл с кровати.

Чэнь Шучжи смотрел на него в замешательстве, пока он одевался и обувался, и его глаза покраснели от страха.

— Ты... куда ты идёшь?

Лян Хуань даже не посмотрел на него, его движения были беспорядочными, а слова сказаны небрежно:

— Я ухожу. Мои родственники нашли меня, и я больше не буду жить здесь.

Сердце Чэнь Шучжи сжалось. Он знал, что такой уход означал конец. Он прикусил нижнюю губу, не зная, спрашивает ли он его или говорит сам с собой:

— Ты ещё вернёшься сюда?

— Наверное, нет. — Его голос был лёгким.

— Никогда больше?

Теперь Лян Хуань наконец понял, что его настроение испортилось. Он обернулся и увидел, что его щёки блестят от слёз, а он сам скрывается в темноте, как будто может исчезнуть, если не обращать на него внимания.

Он быстро вернулся к кровати, похлопал Чэнь Шучжи по плечу и нахмурился:

— Почему ты так расстраиваешься? Это же мелочь! Это не прощание навсегда. Я ещё не отблагодарил тебя за спасение моей жизни, и мы ещё увидимся...

Неужели он слишком глубоко погрузился в игру, что стал так печальным, как будто я обманул его чувства?

Чэнь Шучжи долго молчал, а затем увидел, как он машет рукой на прощание:

— Я ухожу. Не думай о плохом, иди спать.

Затем он увидел, как он накинул плащ, решительно вышел за дверь, и его фигура постепенно растворилась в непроглядной тьме, а дверь захлопнулась, закрыв все надежды и ожидания.

В комнате, наполненной разочарованием, Чэнь Шучжи медленно подошёл к стене и прижался к ней, как это делал он. Он слушал некоторое время, но не мог разобрать, что говорят в соседней комнате.

Внезапно он вспомнил, что когда он гадал ему, если он не был слепым, он мог видеть его. Тогда он спросил, где его судьба, и он ответил: «Зачем торопиться? Подожди».

Подожди. По крайней мере, это не здесь.

Сильная усталость охватила его тело, и Чэнь Шучжи без сил опустился на кровать, безучастно наблюдая за снежинками за окном.

С тех пор как он узнал, что он не слепой, он не должен был верить ни одному его слову.

*

В день зимнего солнцестояния прошла церемония поклонения Небу.

В торжественной процессии все выглядели серьёзно. Они вышли из центральных ворот и направились по главной дороге к Храму Неба.

Императорская карета, запряжённая восьмью лошадьми, была окружена слугами, и её величественный вид не оставлял места для сомнений.

По мере приближения к Храму Неба они поднялись на дорогу, окружённую деревьями. Пройдя несколько шагов, они услышали ржание, и восемь лошадей внезапно стали беспокойными.

Прежде чем слуги успели среагировать, они одна за другой понесли карету вперёд, все в одном направлении, как будто кто-то вёл их.

Самая высокая карета в процессии была уведена в лес, и никто из слуг не бросился за ней, а снаружи никто не попытался остановить её.

Когда восемь лошадей и карета оказались в глубине леса, раздался громкий взрыв, и в лесу появилось пламя, напугав всех лошадей на дороге.

Когда пламя утихло, все увидели, что карета была разорвана на куски, а восемь лошадей лежали на земле.

Когда все были в шоке, думая, что наступит хаос, из леса выехала точно такая же карета, которую вели два слуги, и вернулась на дорогу.

Процессия продолжила движение и остановилась перед жертвенником для поклонения Небу, где император Лян Хуань в парадных одеждах, окружённый слугами и чиновниками, поднялся на алтарь.

После этого все предложения расследовать инцидент были отклонены Лян Хуанем, и происшествие на пути к церемонии было забыто, как будто его никогда не было.

В тот же день Лян Хуань нашёл на столе в Дворце Вэйян императорский указ. В нём говорилось, что у него нет детей, и он боится, что однажды умрёт, не оставив наследника, поэтому он усыновляет старшего сына своего старшего брата, нынешнего князя Юна.

Два дня спустя князь Юн, всё ещё находящийся в Юнчжоу, получил сообщение от шпиона, приказывающее ему срочно отправиться в столицу. Думая, что план удался, он сразу же отправился в путь, но у ворот столицы был арестован за незаконный въезд без указа.

Перед тем как решить, как казнить князя Юна, Лян Хуань встретился с ним.

Как только его привели в зал, князь Юн поднял голову и с презрением сказал:

— Так дядя всё-таки оставил меня в живых, чтобы посмеяться надо мной!

Лян Хуань взглянул на него и лениво сказал:

— Никто не хочет смеяться над тобой. Я пришёл задать тебе пару вопросов.

— Хорошо, — уголок губ князя Юна поднялся. — Но сначала ответь мне, дядя: когда и почему ты начал меня подозревать?

Услышав этот вопрос, Лян Хуань покачал головой и улыбнулся.

— Ты думаешь, я сначала нашёл подозрительные моменты, а потом начал расследовать? — Я расскажу тебе. Поддельные кандидаты периодически обсуждали твой план в Подворье Юнчжоу, а я случайно был в соседней комнате и всё слышал.

— Не может быть! Они говорили, что Подворье Юнчжоу уже полностью занято.

— Это твоя заслуга. Ты устроил ту сцену на скале, и меня спас кандидат из Юнчжоу. Я жил в его комнате и два месяца слушал, как вы планируете.

Князь Юн смотрел на него некоторое время, а затем громко рассмеялся.

— Дядя, такой величественный, и подслушивал в чужой комнате, спал там два месяца! Ха-ха-ха...

<http://bllate.org/book/16213/1455787>